

ЖЕНА НЕМЕЦКОГО ОФИЦЕРА

—
ЭДИТ ХАН БЕРР
ДВОРКИН СЮЗАН

Москва
Издательство АСТ

УДК 94 (100)»1939/45»
ББК 63.3(0)62
Б 38

Edith H. Beer, Susan Dworkin
THE NAZI OFFICER'S WIFE:
HOW ONE JEWISH WOMAN SURVIVED

Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Publishers, William Morrow Paperbacks.

Беер, Эдит Хан.
Б38 Жена немецкого офицера / Эдит Хан Беер; Сюзан Дворкин / пер. с англ. М. Кузнецова. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 304 с. – (*История де-факто*).

ISBN 978-5-17-095453-7.

Гестапо отравило Эдит Хан, образованную венскую девушку, в гетто, а потом и превратило в рабыню трудового лагеря. Вернувшись домой, она поняла, что ее ждет преследование, и решила скрываться. Благодаря подруге-христианке Эдит поселилась в Мюнхене под именем Греты Деннер. Там в нее влюбился член нацистской партии Вернер Феттер. Несмотря на то, что Эдит упорно отказывалась и даже призналась, что она еврейка, Вернер решил на ней жениться и сохранил ее настоящее имя в тайне.

Несмотря на опасность для жизни, Эдит удалось собрать письменные свидетельства эпохи, часть из которых вы найдете в этой книге. Она сохранила сотни документов – даже фотографии, сделанные в трудовых лагерях. Сейчас это собрание хранится в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне и вместе с рассказом Эдит дарит нам новую главу истории Катастрофы – да, печальную, даже невыносимо грустную, и все-таки с хорошим концом.

УДК 94 (100)»1939/45»
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-17-095453-7.

© Edith H. Beer, Susan Dworkin
© Мария Кузнецова, перевод
© ООО «Издательство АСТ»

*В память о моей матери,
Клотильде Хан*

ПРОЛОГ

История, которую вам предстоит прочесть, замалчивалась мною сознательно. Как и большинство людей, переживших ужасные трагедии, я никому не рассказывала о том, как, сбежав от гестапо, жила «подлодкой», скрываясь в нацистской Германии под чужим именем. Я старалась забыть прошлое и не мучить новые поколения своими грустными воспоминаниями. Наконец раскрыть правду, рассказать ее миру, оставить письменное свидетельство меня убедила Ангела, моя дочь.

В 1997-м я решила продать свой архив фотографий, писем и документов военного времени на аукционе и обратилась в аукционный дом «Сотбис». Мое собрание приобрели два лондонских друга, любители истории и филантропы – Дрю Льюис и Дэлк Фейт. Они приняли решение передать архив в Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, США. Там он сейчас и находится. Я невероятно благодарна им за щедрость и ответственность. Архивные документы помогли мне многое вспомнить. Также я глубоко благодарна своему соавтору, Сьюзен Дворкин: выразить свои воспоминания без ее сочувствия и понимания мне бы не удалось.

Выражаю благодарность Нине Саспортас из Кельна, чей исследовательский пыл помог нам значительно улучшить и воссоздать возникшие передо мной сцены, и Элизабет ЛеВангиа Аппенбринк из Нью-Йорка, которая перевела все письма и документы на прекрасный, ясный английский. Большое спасибо Николасу Коларцу, Роберту Левине и Сюзанне Браун Левине, нашему редактору Колину Дикерманну и его коллеге Карен Мерфи, а также нашему издателю Робу Вайсбаху: все эти добрые друзья и прекрасные критики вложили в книгу свой дух, энергию и мудрость.

И наконец, эта книга появилась только благодаря Ангеле Шлютер, моей дочери. Это ее любовь, ее вопросы, ее желание знать, ее интерес к загадкам прошлого побудили меня наконец рассказать свою историю.

*Эдит Хан Беер,
Нетания, Израиль*

ТИХИЙ ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

В какой-то момент лук исчез. Другие медсестры Красного Креста, с которыми я работала в *Städtische Krankenhaus*, городской больнице Бранденбурга, говорили, что из лука фюрер производит ядовитый газ, необходимый для победы над врагами. Если честно, я уверена, что к тому моменту – стоял май 1943 года – многие граждане Третьего Рейха ради лука готовы были отказаться от удовольствия знать, что врагов потчуют газом.

Я работала в палате, где лежали иностранные рабочие и военнопленные. Я готовила для них чай и развозила его по койкам на специальной небольшой тележке, каждому улыбаясь и каждого подбадривая приветливым «*Guten Tag*».

Придя однажды на кухню мыть чашки, я застала одну из старших сестер за резкой лука. Кажется, ее звали Хильде. Хильде была из Гамбурга и замужем за офицером. Она сказала, что режет лук себе на обед, и пристально посмотрела мне в лицо, пытаясь понять, догадываюсь ли я, что она лжет.

А я улыбнулась своей глупой улыбкой, посмотрела на нее своими пустыми глазами и занялась посудой, как будто не знала, что лук, купленный на черном рынке, Хильде режет для смертельно раненного русского. Ему оставались считанные дни, и он мечтал вновь попробовать лук. Что покупка лука, что подобная дружба с русским легко могли стоить Хильде свободы.

Как и все немцы, нарушавшие гитлеровские постановления, Хильде из Гамбурга была исключительным явлением. Куда чаще работницы нашей больницы забирали продукты, предназначенные для иностранцев, и съедали их сами или относили в семью. Вы должны понимать, что эти медсестры не имели образования или воспитания, которое превратило бы для них уход за больными в святой долг. Многие из них выросли на фермах Восточной Пруссии. Они знали, что их удел – до самой смерти гнуть спину в полях и амбарах, а работа медсестры позволила им от этого удела сбежать. Вскормленные нацистской пропагандой, они искренне считали, что как «арийки» относятся к некой высшей расе, а русские, французы, голландцы, бельгийцы и поляки, попадавшие в нашу клинику, рождены, чтобы трудиться на благо нордической нации. Конечно, для них кража тарелки супа у низших созданий была не грехом, а совершенно оправданным решением.

Думаю, в то время в Бранденбурге находилось больше десяти тысяч пленных рабочих. Они работали на автомобильной фабрике Опель, на авиационном заводе Арадо и на других производствах. Почти все наши пациенты были жертвами несчастных случаев. Помогая строить немецкую экономику, они калечили руки в прессах, обжигались о раскаленные печи и обливались едкими веществами. Все они были беспомощными рабами. Их увозили от жен и детей, и они мечтали вернуться домой. Я боялась смотреть им в глаза, потому что в них я увидела бы себя, свой собственный страх и свое собственное одиночество.

Больница размещалась в нескольких зданиях, и все они были разделены по функциям. Мы, медсестры, ели

в одном строении, стирали в другом. Пациенты, нуждающиеся в ортопедическом лечении, размещались в одном месте, а инфекционные больные в другом. Иностранные граждане, вне зависимости от того, что с ними случилось, всегда находились отдельно от немцев. Мы слышали, что однажды целое здание выделили для размещения иностранцев, заболевших тифом. Эта болезнь распространяется с зараженной водой. Мы, простые девушки, не в силах были понять, как они подцепили тиф здесь, в Бранденбурге, прекрасном старом городе, всегда вдохновлявшем творцов, в городе, где вода была чистой, а еда подвергалась строгим правительственным проверкам. Многие решили, что иностранцы были сами виноваты, что дело было в их не любви к гигиене. Эти медсестры сумели убедить себя, что болезнь возникла не из-за невыносимых условий, в которых эти люди вынуждены были существовать.

Сама я была не медсестрой, а скорее помощницей медсестры: я занималась только черной и самой простой работой. Я кормила тех, кто не мог есть сам, протирала тумбочки, отмывала судна. В первый же день работы я помыла двадцать семь суден – в обычной раковине, словно посуду после ужина. Еще я мыла резиновые перчатки. То были не сегодняшние одноразовые тоненькие белые перчаточки. Наши были тяжелые, толстые, рассчитанные на многократное использование. Их внутреннюю поверхность нужно было припудривать. Иногда я готовила черную мазь, наносила ее на бинты и делала компрессы, способные облегчить ревматические боли. Собственно, все. Ничего более сложного я делать не имела права.

Однажды меня попросили помочь с процедурой переливания крови. Сестры выкачивали кровь у пациента

в особую емкость, а затем переливали ее в вены другого больного. Я должна была помешивать кровь, чтобы она не свернулась. Мне стало дурно, и я выбежала из комнаты. «Ну, Грета – всего лишь глупая необразованная девчонка из Вены, считай, уборщица, – сказали они. – Что с нее возьмешь? Пусть себе кормит иностранцев, которым оторвало пальцы».

Я молилась, чтобы в мою смену никто не умер. Видимо, молитвы были услышаны, потому что пациенты всегда дожидались моего ухода и умирали уже потом.

Я старалась их поддерживать. Чтобы унять тоску французов по дому, я говорила с ними по-французски. Похоже, я улыбалась слишком приветливо, потому что однажды старшая медсестра сказала, что я чересчур добра к иностранцам. В связи с этим меня перевели в родильное отделение.

Понимаете, тогда ведь повсюду были доносчики. Именно поэтому Хильде, нарезавшая запрещенный лук для русского пациента, так испугалась даже меня, Маргарете, сокращенно Греты. Даже меня, приехавшей из Австрии необразованной двадцатилетней помощницы медсестры. Заподозрить в работе на Гестапо или СС могли кого угодно, даже меня.

В начале осени 1943 года, почти сразу после моего перевода в новое отделение, скорая помощь напрямиком из Берлина привезла к нам важного промышленника. С ним случился апоплексический удар. В таком состоянии человеку требуется покой, тишина и постоянный уход. С января Берлин постоянно бомбили, так что друзья и родственники пострадавшего решили, что восстановление пройдет быстрее у нас в Бранденбурге: бомбежек не было, работники больницы не сталкивались день ото дня с чрезвычайными происшествиями

и могли посвятить ему достаточно времени. Ухаживать за этим человеком назначили меня – видимо, потому что я была самой младшей и почти ничего не умела. Во мне не слишком нуждались.

Работа была не самая приятная. Моего частично парализованного пациента приходилось водить в туалет, кормить, постоянно обмывать и переворачивать. Кроме того, его бессильное, мягкое тело нуждалось в массаже.

Вернеру, моему жениху, я об этом пациенте почти ничего не рассказывала: я боялась, что в Вернере проснутся амбиции, и он захочет воспользоваться моей близостью к такому важному человеку. Вернер везде высматривал новые возможности. По собственному опыту он хорошо знал, что в Рейхе люди поднимаются не благодаря талантам и уму, а исключительно через высокопоставленных друзей и родственников. Вернер был талантливым, вдохновенным художником. До прихода нацистов к власти он, со всеми своими талантами, был нищ и бездомен. Он спал в лесу, под открытым небом. Но для него настали лучшие времена. Вступив в нацистскую партию, Вернер стал руководителем малярного цеха на авиазаводе Арадо. Под его началом работало множество иностранцев. Очень скоро он должен был стать офицером вермахта и моим преданным мужем. Но он не расслаблялся – о нет, только не Вернер. Он всегда искал что-нибудь еще, какой-нибудь незамеченный путь наверх, туда, где он наконец получил бы все, что, по его мнению, ему полагалось. Вернер был беспокойным, импульсивным, амбициозным человеком. Расскажи я ему о моем важном пациенте, он бы тут же начал строить на него планы. Поэтому я сообщила ему ровно столько, сколько было необходимо, и ни словом больше.

Когда моему пациенту пришел букет цветов лично от Альберта Шпеера, рейхсминистра вооружений и военного производства, я поняла, почему другие сестры были так рады отказаться от ухода за этим больным. Работать с высокопоставленными членами партии было слишком опасно. Любой недочет – упавшее судно, разлитый стакан воды – мог подставить тебя под удар. А что, если я слишком быстро его переворачивала, слишком неаккуратно мыла, кормила его слишком горячим, слишком холодным или слишком соленым супом? А что, Господи боже мой, если у него будет новый удар? Что, если он умрет, когда я за него отвечаю?

Трясаясь от ужаса при одной мысли о том, сколько всего можно сделать не так, как надо, я изо всех сил старалась не допустить ни одной ошибки. Естественно, промышленник был мной крайне доволен.

«Вы прекрасно работаете, сестра Маргарете, – сказал он мне однажды во время купания, – похоже, несмотря на юность, вы успели обзавестись незаурядным опытом».

«О нет, сэр, – ответила я очень тихо, – я только что закончила курсы. Я просто делаю то, чему меня научили».

«И вы никогда раньше не имели дела с последствиями апоплексии...»

«Нет, сэр».

«Удивительно».

С каждым днем он все лучше двигался и все четче разговаривал. Вероятно, быстрое восстановление очень его радовало, поскольку он почти всегда находился в прекрасном настроении.

«Скажите, сестра Маргарете, – поинтересовался он во время массажа стоп, – что жители Брандербурга думают о войне?»

«О, я понятия не имею, сэр».

«Но ведь какие-то разговоры вы наверняка слышали... Мне интересно, что думают люди. Что говорят о норме мяса?»

«Она весьма щедра».

«Что говорят о новостях из Италии?»

Могла ли я признаться, что знаю о высадке солдат Коалиции? Должна ли я об этом знать? Могла ли я об этом *не* знать? «Все уверены, что англичане вскоре будут отвержены, сэр».

«Может, вы знаете кого-нибудь, чей жених сражается на Восточном фронте? О чем пишут солдаты?»

«Солдаты совсем не пишут о битвах, сэр, они не хотят, чтобы мы беспокоились, а еще они боятся написать какую-нибудь важную информацию, ведь почту могут перехватить враги. Тогда все их товарищи будут в опасности».

«Вы слышали рассказы о каннибализме русских? Как они поедают своих детей?»

«Да, сэр».

«Вы в это верите?»

Я решила рискнуть. «Многие верят, сэр. Но мне кажется, что, если бы русские ели своих детей, русских было бы гораздо меньше, чем сейчас».

Он рассмеялся. В глазах этого вежливого человека светился ум и юмор. Он даже напомнил мне моего дедушку, о котором я когда-то давно заботилась после апоплексии... Очень давно, в прошлой жизни. Я немного расслабилась и вела себя уже не так осторожно.

«Как вы думаете, сестра, чем фюрер мог бы порадовать своих граждан? Как вы считаете?»

«Мой жених говорит, что фюрер любит Германию как свою жену, и именно поэтому он не женат, и что он готов на все, чтобы граждане Германии были счастливы».

Если вы можете с ним поговорить, сэр, скажите фюреру, что мы были бы счастливы, если бы нам прислали немного лука».

Это очень его повеселило. «Вы прекрасное лекарство, Маргарете. Вы прямая и добрая девушка, образец немецкой женственности. Скажите, ваш жених сейчас на фронте?»

«Пока нет, сэр. Он многое умеет и сейчас готовит для Люфтваффе новые самолеты».

«О, замечательно, — одобрил он, — мои сыновья тоже отличные молодые люди, они хорошо себя проявили». Он показал мне фото своих высоких, красивых сыновей в униформе и гордо рассказал, что они стали важными людьми в нацистской партии.

«Легко быть кардиналом, — сказала я, — когда твой кузен — Папа римский».

Он прекратил хвастаться и пристально на меня посмотрел. «А вы не такая уж простая девушка, — сказал он, — вы весьма умная женщина. Где вы учились?»

Я вся напряглась. Во рту пересохло.

«Так говорила моя бабушка, — объяснила я, перевернув его, чтобы обмыть спину, — просто семейная поговорка».

«Когда придет пора возвращаться в Берлин, я хочу, чтобы вы поехали со мной как моя личная медсестра. Я договорюсь с вашим начальством».

«Сэр, о, я была бы счастлива отправиться с вами, но я совсем скоро выхожу замуж, понимаете, я просто не могу уехать из Бранденбурга, это невозможно! Но спасибо вам, сэр! Большое спасибо! Какая честь! Какая честь для меня!»

Моя смена кончилась. Я пожелала ему спокойной ночи и, пошатываясь, вышла из палаты. Я была вся в

поту. Медсестре, которая пришла меня заменить, я сказала, что вспотела, поднимая тяжелые конечности пациента. На самом деле я чуть не выдала себя. Самое небольшое проявление воспитанного ума – знание литературы или истории в объеме, недоступном обычной австрийке – могло выдать меня столь же верно, как обрезание у мужчин.

По пути домой, в восточную часть города, где мы с Вернером жили в комплексе для сотрудников Арадо, я в миллиардный раз повторяла себе, что нужно быть осторожной, что я должна прятать свой интеллект, что нужно молчать и казаться глупой.

В октябре 1943-го другие медсестры Красного креста доверили мне большую честь. Городские власти Бранденбурга запланировали митинг, и каждая группа рабочих должна была прислать представителя. Так или иначе, ни одна из старших сестер прийти не могла. Я думаю, что они просто не хотели посещать это празднование, потому что знали, что войскам Германии в России, Северной Африке и Италии приходится тяжело (как они это узнали, я даже представить не могу: по немецкому радио об этом не сообщали, а слушать «Говорит Москва», «Би-Би-Си», «Голос Америки» и швейцарское Беромюнстер было строгойше запрещено). Мне доверили представлять на митинге нашу группу. Вернер был очень горд. Так и вижу, как он хвастался коллегам на заводе Арадо: «Ну естественно, они выбрали мою Грету! Она настоящая патриотка своей Родины!» У моего Вернера было хорошее чувство юмора, он отлично умел подмечать иронию происходящего.

К митингу я готовилась очень тщательно. Надев униформу Красного креста, я убрала свои каштановые

волосы в простую естественную прическу без заколок, завивки или помады. На мне не было ни макияжа, ни украшений, если не считать тоненького золотого кольца с крошечным бриллиантом, которое отец подарил мне на шестнадцатилетие. Я была невысокой, чуть выше 150 см, и фигура у меня в те времена была красивая. Я старательно ее скрывала под мешковатыми белыми чулками и бесформенным передником. Я не хотела выглядеть привлекательно. Аккуратно, чисто – да. Но обязательно просто. Выделяться было нельзя.

Этот митинг очень отличался от того, к чему мы все давно успели привыкнуть. Не было ни оглушительного барабанного боя, ни шумных маршей, ни развевающихся флагов в руках красивой молодежи в униформе. На этот раз митинг был подчинен определенной цели, а именно подавить пораженческие настроения, охватившие Германию после зимнего фиаско под Сталинградом. В августе Генрих Гиммлер был назначен рейхсминистром внутренних дел с требованием «Вернуть веру немцев в Победу!». Мы слушали одно выступление за другим. Нас убеждали бросить все силы в работу, чтобы поддержать храбрецов на фронте, ведь если мы проиграем войну, то нас снова настигнет донацистская нищета, которую многие прекрасно помнили, и работы больше не будет. Если же нам надоело наше вечернее *Eintopf*, скудное блюдо, провозглашенное Йозефом Геббельсом разумной жертвой, доступной каждому гражданину рейха, то мы должны помнить, что после Победы нас ждут королевские пиры с настоящим кофе и золотистым хлебом на яйцах и белой муке. Нам говорили, что мы должны всеми силами поддерживать высокую продуктивность, а также сообщать о тех, кто предал Родину, в особенности о тех, кто слушает зарубежные радио

и верит в «неоправданно преувеличенные» поражения Германии в Северной Африке и Италии.

«Господи, — подумала я, — да они забеспокоились».

Нацисты, «повелители планеты», начали нервничать. У меня закружилась голова, перехватило дыхание. В голове заиграла старая песенка.

Тс-с-с-с-с, — сказала я себе. — Для песен еще рановато. Тс-с-с-с-с».

Той ночью, включая вместе с Вернером «Би-Би-Си» я молилась, чтобы военные неудачи Германии привели к скорому окончанию войны, ведь тогда я могла бы больше не скрываться. Но я ни с кем, даже с Вернером, не делилась своими надеждами. Я скрывала радость, говорила тихо, вела себя скромно и незаметно. Невидимость. Тишина. Всему этому я научилась, пока, сумев скрыться от преследователей, тайно жила в самом сердце Третьего Рейха. Пережившие Холокост сейчас называют таких, как я, *U-boat*, то есть подводными лодками.

Когда я жила уже в Англии и была замужем за Фредом Беером, эти привычки меня оставили. Теперь же Фред умер, а я постарела. Мне тяжело контролировать свои воспоминания, и я снова веду себя так, как научилась тогда, во время войны. Я сижу, как сейчас с вами, в моем любимом кафе на площади в Нетании, на берегу моря, в Израиле, и кто-нибудь подходит и просит рассказать, каково было во время войны жить в Германии с членом нацистской партии, каково было притворяться арийкой и вечно бояться себя чем-нибудь выдать. Я отвечаю очень тихо, как будто стесняясь собственного незнания: «Не могу. Знаете, все это давно забылось». Глаза мои становятся пустыми, взгляд теряет фокус, голос делается сонным, тихим, робким. Такой я была, когда жила в Бранденбурге и притворялась необразованной двадца-